

ОЛЕГ РОЙ
ВОЙНА
ГЛАЗАМИ ДЕТЕЙ

СБОРНИК РАССКАЗОВ

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р65

Рой, Олег.

Р65 Война глазами детей/ Олег Рой. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 288, с. : ил. — (Моя Родина).

ISBN 978-5-17-177864-4.

Сборник рассказов «Война глазами детей» предлагает уникальный взгляд на события специальной военной операции через призму детского восприятия. В этих историях яркие персонажи — от опытных военных до гражданских лиц, оказавшихся в эпицентре событий, каждый рассказ — это чья-то отдельная жизнь, полная борьбы за выживание, страхов и надежд.

Книга не только освещает трагические моменты истории нашей страны, но и показывает силу человеческого духа, солидарность и гуманизм, которые проявляются даже в самых сложных обстоятельствах. Герои сталкиваются с различными испытаниями, но вместе они преодолевают преграды, поддерживают друг друга и учатся ценить покой и безопасность. Каждая история наполнена искренним теплом, добротой и любовью к Родине.

«Война глазами детей» — это рассказы о том, как даже в самые трудные времена можно найти надежду и свет. Эти истории помогают понять, что за каждым великим событием стоят простые люди с их переживаниями и мечтами.

Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1-93
ББК
84(2Рос=Рус)6-44

© Рой О., 2026
© Крашенинникова С. А., ил., 2026
© Ил. на обл. Звягин И.В., 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

[ПТИЦЫ МИРА]

Прадед на снимке был совсем молодой, не намного старше самого Витьки. В сорок третьем в военкомате он себе два года приписал. Потому что пришел домой, а мать лежит во дворе мертвая. Соседки рассказали, что гитлеровцы пришли требовать «курки-млеко-яйки», а она просила хоть парочку на развод оставить — вот и застрелили, чтобы не мешала. На отца и братьев прадеда еще раньше похоронки пришли. И куда ему было деваться? Только бить тех, кто сломал их жизнь, из-за кого родная теплая Суджа словно почернела.

Витька его понимал... наверное.

На груди у молодого прадеда сияли ордена. Первый — орден Славы — он получил после первого ранения на Курской дуге... сколько ему тогда было? шестнадцать или уже семнадцать? Потом еще два добавились, потом Красное Знамя и Красная Звезда. Медалей и вовсе не сосчитать.

До Берлина дошел. Снимок этот был сделан в Дюссельдорфе: сидит молодой прадед, улыбается, за спиной домики аккуратненькие, на груди ордена, на плече голубь.

Парень как парень, совсем не героического вида. Но ведь герой же!

Витьку и назвали-то в честь него. Но имя — это же не просто так, правда?

Потертый черно-белый снимок вдруг налился цветом, парень подмигнул... показалось? Это же фотография, не кино...

***

Домики здесь были совсем не такие, как в Судже или в Смоленске. Не так немцы строили. Но — красиво, аккуратно. И Виктор вдруг решил, что когда вернется, станет каменщиком! И построит в родной Судже, превращенной нацистами в руины, такие вот прекрасные домики; будет класть кирпичик к кирпичику, кирпичик к кирпичику...

Скоро уже, наверное. Капитуляцию фрицы подписали, салют был везде, и тут, в Дюссельдорфе, куда их часть перебросили, тоже. Зачем перебросили? Наверное, чтоб порядок поддерживали, а может, просто чтоб отдохнули. Война — тяжелая работа. А сейчас — майское солнышко пригревает, бежать и стрелять не надо, сиди себе и домики разглядывай. По углам кирпичиками белыми, узоры выведены и вокруг окон и дверей такие же — словно рамочки. Красиво. Тихо.

Да еще повар Степаныч семечек отсыпал; откуда и взял-то? Интересно, на каменщика трудно выучиться? Наверное, не труднее, чем на повара, а Степаныч вон как управляется, не гляди, что одна рука. Мог ведь комиссоваться вчистую: Красную Звезду заработал, нашивку «тяжелое ранение». А он, раз стрелять больше не с руки, поваром стал. И Виктор справится. И отстроит родную Суджу краше прежнего!

Сверху что-то зашелестело, словно ветерок подул — и на плечо, прямо на погон, опустился голубь. Белый, как будто и не родственник простецким сизарям. Красавец! То есть был когда-то красавец, сейчас отощал до предела, да и белые перья потускнели.

— Что, немчуря, небось, на семки мои целишься? — добродушно усмехнулся Виктор. — Ну угощайся, не жалко, — он протянул оголодавшему семечку.

Тот посмотрел на поднесенные пальцы с легкой опаской, но угощение склевал. И курлыкнул. Вроде как «спасибо» сказал. Или «дай еще».

— Что, брат, довели тебя фрицы до цугундера? — Виктор вытряхнул из газетного кулька остатки семечек и протянул ладонь к голубю. — Лопай, болезный.

Семечки тот склевал — ладони от лёгких поклевываний было щекотно, — но улетать не спешил. Так и топтался, переступая непривычно яркими, почти алыми лапками.

— Ишь ты! — удивился Виктор. — Жить у меня устраиваешься? Гляди, чтоб не гадить! Форму-то мне отчищать.

Гадить новый знакомец не стал, только переминался с лапки на лапку, взмахивал несильно крыльями, так что щеку обдавал ветерок, и ворковал.

— Ну... — Виктор вздохнул. — Раз такое дело... поехали со мной в Суджу. Не пропадешь. У меня мамка курей держит... держала... — всякого за эти годы навидаться пришлось, но вспоминать все равно было больно.

Голубь точно почувствовал перемену настроения, наклонился к самому уху Виктора и принялся что-то ворковать прямо в него.

— Ты, никак, мне что-то рассказываешь? Или утешаешь? Вот только я ж по-вашему нихэт ферштейн. Но ничего, договоримся. Корм раздобудем, постоем не обидим...

***

— Он у тебя и щи трескает? — Степаныч подошел во время обеда.

Пока погода держалась ясная, столовались в яблоневоm саду возле ратуши. Кóзлы с настенными досками, длинные лавки, за которыми исходила вкусным паром полевая кухня. Деревья стояли в пышной бело-розовой пене, осыпаящиеся уже лепестки падали не только на стол, но и в котелки, но никто не жаловался. Голубь аккуратно вытаскивал из котелка Виктора кусочки капусты и картошки, временами задирая голову, чтобы отщипнуть от хлеба, зажатого в левой руке нового хозяина... или друга?

— Предпочитает кашу, — обстоятельно пояснил тот. — Но и щами не брезгует, они у тебя, Степаныч, кого угодно соблазнят. Ну и хлеб, само собой.

— Значит, тебе теперь двойную порцию надо? — на лице повара не мелькнуло ни тени улыбки, словно всерьез спрашивал. Хотя за пышными пшеничными усами могла и улыбка спрятаться.

— Так жалко ж его, тоже божья тварь. Гляди, как оголодал.

— Подойди после, — распорядился Степаныч и ушел.

Про двойную порцию — это была, конечно, шутка. Но лишь отчасти. Степаныч отнесся к появлению «нахлебника» вполне серьезно и пайку выдавал ежедневно, насыпая в пакетики зерно: пшеницу, просо, овес, ячмень. Должно быть, из конского фуража заимствовал. Конюхам точно было не жаль поделиться — птица и вправду бо- жия, а сколько она там съест...

К моменту демобилизации Виктора питомец отъелся так, что пришлось сменить первоначальную кличку Фриц на Геринга. Голубь стал важным, в точности как тот гитлеровский рейхсмаршал, а оперение его — восхитительно белым. Как флаг, которым, по слухам, размахивали возле рейхсканцелярии Кейтель с Йодлем.

— Геринг? — Степаныч, выдавая очередную пайку, покачал головой с явным сомнением. — Негоже такой хорошей птице зваться именем

мерзавца. Он же не виноват, что в Немецчине уродился. Да и тут приличные люди встречались. Тот же Тельман...

Степаныч, у которого гитлеровцы убили всю родню, на немцев, однако, смотрел без ненависти, отчасти даже с безгливой жалостью. Даже подкармливал кое-кого — синих от недоедания детишек, исхудавших фройляйн, стариков с трясущимися руками.

— Они думают, мы им мстить станем, — вздыхал он, плюхая кашу в очередную миску. — Что толку мстить-то? Да и кому? Вот этим, которые завтра с голоду помрут? Жалко, Адольф ихний слишком легко отделался, его бы хоть вздернуть, да чтоб веревка пару раз оборвалась, а он, вишь, таблеточку сглотнул — и готов... Ну да что ж теперь, так тоже неплохо...

***

Неподалеку от ратуши стоял кинотеатр. Билет стоил всего пфенниг для немцев, для наших солдат бесплатно. Крутили все подряд: и нашу «Волгу-Волгу», и американского «Тарзана» с продолжениями, и «Серенаду Солнечной долины», и даже какого-то немецкого «Гусара». Тельман внутрь не залетал, оставался ждать на перекошенном козырьке над входом.

Перед каждым фильмом шел обязательный журнал о зверствах нацистов на оккупированных территориях. Сидевшие в зале немцы втягивали головы в плечи и опасно отодвигались

от красноармейцев. «Дураки какие-то, — думал Виктор. — Но что с них взять, с убогих? Не этот же полудохлый старик жег белорусские деревни. И не эта фройляйн убивала Витю Черевичкина...»

...которого как раз за голубей и застрелили. А птицам перед тем оторвали головы — прямо на глазах у парня.

Именно после этого сеанса Виктор обнаружил, что у Тельмана появилась подружка. Тоже белая, но края перьев завивались кокетливыми кудряшками — точно как на снимках красавиц-блондинок в фойе кинотеатра. С самой большой фотографии загадочно улыбалась Марлен Дитрих. Так что имя для голубки и выбирать не пришлось.

— Ты, Тельман, молодец, что семьей обзаводишься, — говорил Виктор. — Вот вернемся в Суджу, построю голубятню. И назову ее «Голубятня имени Вити Черевичкина». А ты с Марлен станешь родоначальником. Будете... как его... плодиться и размножаться.

До Суджи было недалеко. Тельман и Марлен то летели рядом с поездом, то отдыхали на крыше теплушки Виктора, которому Степаныч выдал на дорогу не только положенный сухпак, но и изрядный мешочек с зернами.

В Курске поезд прибыл на временный вокзал; старый городской разбомбили немецкие стервятники. Тельман и Марлен уселись на плечи Виктора и не взлетали до самой Суджи, даже когда он

трясся в разбитой полуторке по исковерканным войной дорогам.

***

В полуразрушенном доме все напоминало об отце, матери и братьях. Со старой яблони сиротливо свисал обрывок толстой веревки — качели вешал отец, а старший Илюха раскачивал маленького Виктора так, что дух захватывало... А вот здесь, у самого крылечка, лежала мама... Мертвая...

Сколько-то Виктор перебеждал у соседки, единственной оставшейся в живых родственницы — тетки Майи. Но глядеть на развалины родного дома, на разбитый сарай, где когда-то жили куры, на пятно возле крыльца, на щерящиеся осколками окна, было невыносимо, и он перебрался в общагу. Пусть и барак, но — возле станции, и ходить мимо рвущих душу воспоминаний не приходилось. Тельман и Марлен кочевали от чердака к чердаку, хотя старались жаться к Виктору поближе: на птиц охотились не только кошки, но даже оголодавшие крысы.

Мечту свою он не забыл, работать пошел на стройку. Стал помощником каменщика, а вскоре, одновременно с окончанием вечерней школы, и каменщиком первого разряда. В пятьдесят первом после присвоения очередного разряда поднялся до бригадира. О нем даже писали в районной газете.

И тут в его бригаде появилась Галя-Галочка — хрупкая детдомовка со смешными косичками.

Будущего маляра прислали на практику. И Виктор — пропал. Галочка была — словно солнечный зайчик. Словно и не лежали на узких плечиках тяготы военных лет, а ведь в сорок первом ей и десяти не исполнилось. Всю родню забрала проклятая война, только Галочка и уцелела.

Свадьба была скромнее скромного, но молодым вовсе и не хотелось пускать пыль в глаза всему миру. Главное, им выделили участок и стройматериалы. Бригада дружно явилась на подмогу, и дом вырос как по волшебству. Нарядный, как запомнилось Виктору в Дюссельдорфе, красно-белого кирпича, с узорчатыми углами и наличниками, он привлекал внимание и радовал глаз. Многие потом эти узоры переняли. А после даже легенда возникла: дескать, дома эти строили пленные немцы. А всего лишь Виктор взял у побежденного врага то, что взять стоило.

Среди кустов смородины и шиповника воплотилась и еще одна мечта — голубятня имени Вити Черевичкина, где поселились Тельман, Марлен и их уже немалое потомство. Да и приятели нет-нет да притаскивали пополнение, так что птичий дом приходилось расширять и надстраивать. Сперва этим занимался Виктор, потом подросший сын Дмитрий, которому повезло уцелеть в Афгане... может, голуби его и хранили?

***

Витька сморгнул, приходя в себя. Словно сон увидел: яркий, подробный, пронзительный. Но он ведь не спал! Он просто смотрел на старую